

Фокин Валерий
12.3.02

КТО-КТО? АРТО!

Валерий Фокин решил привить в России театр жестокости

Моск. комсомолец-8000 - 12 марта - с.3.

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

Есть люди, которых хлебом не корми, лишь бы зачеркнуть им всю жизнь и сначала начать. Казалось бы, Валерий Фокин — режиссер с европейским именем, автор нескольких шумных спектаклей, вошедших в учебник по режиссуре... Но несколько лет назад он резко ушел от привычной эстетики психологического театра и, похоже, не собирается туда возвращаться. Десять лет назад он основал Центр имени Мейерхольда. А год назад его детище обрело крышу над головой. Сегодня место на Новослободской улице известно как полигон для экспериментов, лаборатория, коллекция новых имен и явлений.

Вот и сегодня здесь откроют имя, мало что губящее массовой публике — Антонена Арто. А между тем многие театры, улицы, особенно французских городов, названы в его честь, и новаторы от театра по нему сверяют стрелки своих поисков.

Из досье "МК": Валерий Фокин — выпускник театрального училища им. Щукина. 15 лет работал в "Современнике", автор нашедших спектаклей "Валентин и Валентина", "Провинциальные анекдоты", "Ревизор", "Кто боится Вирджинию Вульф?", "Нумер в гостинице города N", "Превращение". Самый приглашаемый на постановки за рубеж режиссер.

— Имя Арто даже продвинутому зрителю мало что говорит. Далее формулировки "Театр жестокости" дело не идет. Не боисьшь пролететь с публикой?

— Какой страх? Пришло время познакомить людей с этим великим человеком. Сейчас в начале века есть востребованность в этом имени. Почему? Гратовский в 60-х годах написал блестящую статью об Арто, где есть фраза: "Мы вступили в эпоху Арто". Он имел в виду, что пришло время (а это был конец 60-х) радикального обновления театра. Сейчас мы стоим на грани такого же процесса. В ближайшие два-три года будет резкое обновление, возникнут идеи театральные. Предгрозовая ситуация: неважно, когда она рванет — завтра, послезавтра, — но она будет. В отличие от нас Европа Арто уже растиражировала, и там каждый и через одного говорит, что прошел через Арто. Абсолютное вранье! Так же, как и у нас, — я получил телеграмму из Петербурга: "Мы работаем по методике Арто. Приезжайте, посмотрите". А методики-то нет... Все легенды и пыль.

— Кем же он был, этот Арто, от которого, судя по всему, сходят с ума современные художники?

— Несчастный человек, больной с пяти лет, севший на наркотики сначала для избавления от головной боли, которая его мучила, и заболевший в ре-

зультате паранойей. При этом человек невероятных талантов — художник, драматург, актер и режиссер, философ, обладавший поразительной интуицией — тоже как следствие болезни. Спектакли его проваливались, публика свистела. Он оставил несколько киноролей — Марат в "Наполеоне", "Страсти Жанны д'Арк"... У него есть потрясающий манифест — прозаические желания, как надо развернуть искусство, покончить с шедеврами. Это бунтарь, который за каждую секунду своей жизни платил. Девять лет в психушках провел.

— А может, он просто теоретик, которых искусство видело — перевидело?

— Может быть, но его театральные желания возбуждают. Хочется броситься за ним, потому что он многое предвосхитил из того, чем мы сегодня так активно пользуемся, — игра с пространством, существование артиста более воспалительное, уход от литературного театра к театру чувственному. А жестокость имела в виду не бытовая. Жестокость прежде всего к самому себе в плане аскетизма и прихода к полной концентрации внутренней свободы. То, что потом Гратовский развил как приход к акту. Жестокость как дисциплина, а не то, что всех будем поливать кровью, резать вены.

Он был ошеломлен островом Бали, туземцами и первым ввел ритуал в театр, как понятие ритуального театра, что сегодня уже штамп. Куда ни плюнь — на любом фестивале увидишь полуголых с барабанами, которые будут говорить, что они из ритуала выскочили. После смерти начался бум: вот он — отец авангарда, эксперимента. До России он очень-очень медленно доходил и доходит. Поэтому мне хочется, чтобы мой спектакль "Арто и его двойник" приблизил человека к нам, чтобы люди хоть немного въехали, что это такое.

А в апреле к нам приезжает "Берлинер Ансамбль", который привозит спектакль "Арто и Гитлер в романском кафе", играет один из лучших артистов Германии Мартин Вутке. В нашем спектакле Арто играет Виктор Гвоздицкий, а его двойника — Игорь

Костолевский. Это театральная фантазия. Все действие происходит в кафе в Париже.

— Какова арифметика годовой работы Центра Мейерхольда, которым вы руководите?

— Мы начали с фестиваля моих спектаклей, и он имел одну задачу — чтобы зритель проложил тропинку к этому месту. Дальше была Театральная олимпиада: мы попробовали здесь все — спектакли, мастер-классы, лекции, видеопозаказы... Причем уклон был в экспериментально-образовательное направление. Потому что Центр все-таки не театр в привычном понимании, а многофункциональная структура с разнообразными программами. В том числе и посвященной Антонену Арто.

— А как насчет молодых режиссеров, которым вы обещали при создании Центра дать крышу?

— В этом сезоне четыре молодых режиссера — Николай Рошин, Василий Сенин, Михаил Урнов и Виталий Епифанцев — сыграли такой фестиваль своих спектаклей. Сейчас, надо сказать, ситуация с молодой режиссурой изменилась — режиссеров появилось достаточно много. Но тут есть другая опасность: плохо, когда их нет, и так же плохо, когда модно быть режиссером. Вот молодой — значит, иди ставь. Опять перекося — то тебя долго мурыжат до седых волос, то пускают сразу на большие сцены. И тем не менее сегодня картина с режиссурой неплохая — четверо выбранных мною режиссеров входят в десятку интересных ребят. Они делают свои спектакли в рамках программы Арто, задание у них сделать именно свой спектакль. Я им абсолютно доверяю.

— А если они проваливаются, вы доделываете или переделываете работу? Как это в свое время делала Волчек в "Современнике"?

— Нет. Я позволяю человеку провалиться. Я не боюсь в данном случае за репутацию Центра, потому что это специальные экспериментальные задачи. Раз провалил, значит, мы не будем это играть.

— Эксперимент — это замечательно. Но, скажи честно, вернется ли когда-нибудь режиссер Фокин на большую сцену, которая помнит его потрясающие спектакли?

— Я свободен в этом смысле и не говорю себе — только большая или малая сцена. Сейчас мне нравится наш зал (350 мест. — М.Р.), интересные пробы с пространством в духе Арто на разных этажах... А в Дюссельдорфе я буду делать спектакль в огромном выставочном зале — древнегреческую трагедию. Что касается большой сцены, российской, — я готовлю "Ревизора" в Александринском театре. Премьера в октябре.

Марина РАЙКИНА.

40